

"Японцы уже напали...": крестьяне и военнослужащие Дальнего Востока СССР о вероятности японского вторжения в 1930-е гг.

Александр Александрович ИСАЕВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, isaev.aa@dvfu.ru

Аннотация. На основе архивных документов и материалов в статье анализируются смысловые составляющие реагирования крестьян приграничных территорий и военнослужащих частей и подразделений, расквартированных на Дальнем Востоке СССР, на вероятность войны с Японией и поражения СССР. Отмечается, что реакция крестьян и военнослужащих зависела от различных социально-экономических и политических аспектов их жизни и быта. Подчеркивается, что реагирования формировались как под влиянием угрозы самой войны, как явления, так и вследствие многочисленных внутренних социально-экономических проблем. Доказано, что это, в свою очередь, оказывало негативное влияние на формирование оценочных суждений населения региона относительно государственной политики.

Ключевые слова: Дальний Восток, реагирования, настроения, советская власть, японцы, крестьяне, колхоз, ОКДВА, военнослужащие

Для цитирования: Исаев А. А. "Японцы уже напали...": крестьяне и военнослужащие Дальнего Востока СССР о вероятности японского вторжения в 1930-е гг. // Известия Восточного института. 2025. № 1. С. 118–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/118-126>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/118-126>

"The Japanese have already attacked ...": peasants and military personnel of the Far East of the USSR about the probability of a Japanese invasion in the 1930s

Aleksandr Aleksandrovich ISAEV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, isaev.aa@dvfu.ru

Abstract. An active comprehensive study of the formation and semantic contents of the reactions of the population of the USSR and its individual representatives began in historiography only a few decades ago. But still it has not received proper coverage in the historical literature. The responses of the peasants and military personnel of the OKDVA in the period under review depended on various socio-economic and political aspects of life and everyday life. The purpose of the article is to analyze statements, as one of the most important forms of reactions of peasants and military personnel about the probability of war with Japan and the defeat of the USSR in the early 1930s, contained in archival documents, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time. Critical and negative reactions came from those who, for various reasons, could not adapt to the new realities of life. The fear of war as a phenomenon, as well as problems of an economic nature and general criticism of the political course of the state caused a negative reaction. The semantic components of the reactions influenced the formation of evaluative judgments of the population regarding public policy. Seeing this as a threat, the authorities classified these people as politically unreliable and carried out their removal from the environment (arrest) and forced relocation.

Keywords: Far East, reactions, moods, Soviet government, Japanese, peasants, collective farm, OKDVA, military personnel

For citation: Isaev A. A. "The Japanese have already attacked ...": peasants and military personnel of the Far East of the USSR about the probability of a Japanese invasion in the 1930s. *Oriental Institute Journal*. 2025. No. 1. P. 118–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/118-126>

Реагирования населения являются прямым следствием их мыслей, возникающих, как правило, под влиянием какого-либо побудительного фактора. Реагирования населения всегда являются прямым отражением тех или иных процессов, происходивших в стране и в мире. Их выработка происходит под влиянием определенных побудительных факторов, которые как напрямую, так и косвенно затрагивают их бытование. При этом реагирования даже малой части населения имеют значительное влияние на атмосферу общих настроений общества.

В период кардинальных социально-экономических и политических трансформаций в стране в конце 1920-х – 1930-е гг. влияние внешнеполитического факто-

ра на формирование настроений населения значительно усиливается. Причиной этого являлось нахождение СССР в кольце "враждебного капиталистического окружения", которое ждало удобного случая для нападения. Особо активно внешнеполитический фактор влиял на население приграничных территорий страны, включая и Дальний Восток.

Исследования реагирования населения СССР на наличие внешнеполитической опасности в 1930-е гг. появились в историографии лишь в последнее десятилетие. В советский период необходимость в подобных исследованиях отсутствовала, так как общепринятым было то, что население страны под руководством партии и правительства было устойчивым к провокациям японских милитаристов и было готово к предстоящим боям с потенциальным агрессором.

В постсоветский период в связи с открытием архивных фондов, а также с активизацией междисциплинарного подхода в исторической науке началось исследование реагирования населения страны, в том числе и на внешнеполитические события. Как правило, основной упор делался на выявление и анализ реагирования в период сложной геополитической и внешнеполитической ситуации, а также предвоенной обстановки [3; 5; 9; 10]. Значительное число исследований на данную тематику рассматривало реагирования населения европейской части страны [2; 14]. Реагирования населения Дальневосточного региона на угрозы внешней агрессии стали фигурировать в исторических исследованиях только с начала 2000-х гг. [1; 6; 12]. Однако анализ реагирования на опасность иностранного вторжения на территорию Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. до сих пор не получил должного внимания со стороны исследователей [8; 11]. Исходя из этого, целью данной работы является выявление на основе анализа архивных материалов причин и смысловых содержаний реагирования крестьян и военнослужащих Дальнего Востока СССР на опасность японского вторжения в 1930-е гг.

Методической основой исследования является историко-генетический метод, который позволил охарактеризовать свойства и изменения в развитии процесса формирования реагирования. В основе исследования лежит сочетание макро- и микроисторического подходов. При этом использование микроисторического подхода позволило нам рассмотреть частные явления в ходе жизнедеятельности человека как части общества в конкретных условиях времени и места. Таким образом, мы соотносим сопряжение индивидуальных или групповых реагирования с заданным политическим макроисторическим контекстом. Исследование опирается на корпус документальных исторических источников, выявленных в фондах региональных архивов (ГАПК, ГАХК)¹. Основными видами документов, использованных в данной работе, являются специальные сводки и донесения региональных партийных органов власти, органов ОГПУ-НКВД, политических отделов (ПО) и политического управления (ПУ) ОКДВА, политические донесения, информационные, объяснительные и докладные записки, постановления и рекомендации региональных партийных органов власти, касающиеся реагирования населения Дальнего Востока в исследуемый период.

Для выявления причин и смысловых содержаний реагирования необходимо иметь в виду, что население Дальнего Востока СССР было неоднородно, поскольку формировалось за счет внутренних и внешних миграционных процессов, начиная с середины XIX в. После окончания Гражданской войны, с середины 1920-х гг., советское руководство осуществляло планы по переселению в ДВК хозяйственных работников, а также членов их семей, как добровольному, так и принудительному. Так, только по линии сельского хозяйства, имевшего для государства приоритетное значение, за 12 лет (1925–1937 гг.) в регион было доставлено более 175 тыс. крестьян-переселенцев (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–3). Наиболее массовое переселение происходило из Европейской части РСФСР (Рязанской, Орловской, Курской, Мордовской АО), западной Сибири (Новосибирской, Тамбовской областей),

¹ ГАПК – Государственный архив Приморского края.

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

Социальная группа	Декабрь 1926 г.	Январь 1939 г.
Рабочие	126 908	1 262 345
Крестьяне	839 835	298 179
Интеллигенция	277 456	717 050
Военнослужащие	21 915	542 891
Всего	1 266 114	2 820 465

Табл. 1. Динамика социального состава населения Дальнего Востока в 1926–1939 гг. (чел.)

Источник: составлено автором по (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 936. Л. 4; Ф. Р-719. Оп. 27. Д. 2. Л. 1 об; Д. 15. Л. 4, 5; Оп. 13. Д. 1. Л. 54, 56; Д. 163. Л. 32, 52); [4].

Table 1. Dynamics of the social composition of the population of the Far East in 1926–1939.

Source: compiled by the author based on (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 936. Л. 4; Ф. Р-719. Оп. 27. Д. 2. Л. 1 об; Д. 15. Л. 4, 5; Оп. 13. Д. 1. Л. 54, 56; Д. 163. Л. 32, 52); [4].

Татарской АССР, а также различных областей Украины, Белоруссии, Грузии и т. д. (ГАПК). Ф. П-131. Оп. 10. Д. 5. Л. 5). С начала 1930-х гг. постепенно происходит сокращение численности крестьянских переселенцев в пользу промышленного переселения, что было связано с началом интенсивного промышленного развития Дальнего Востока. Вместе с тем происходит отток жителей села в город и сокращение колхозных дворов. Если в 1931 г. число колхозных дворов составляло 86,5 тыс., то в 1939 г. их насчитывается 56,3 тыс. [13, с. 80–81].

Огромное значение имело начавшееся в конце 1920-х г. переселение в сельские и городские районы демобилизованных воинов РККА и их семей. Эта категория поселенцев, прошедшая должную военную и идеологическую подготовку, считалась надежной и необходимой. С 1932 по 1939 гг. количество воинов запаса и членов их семей, обосновавшихся на Дальнем Востоке, составило почти 35 тыс. чел. [7, с. 110].

За период со второй половины 1920-х гг. до середины 1941 г. происходит значительное увеличение численности дальневосточной группировки Советских вооруженных сил. Если к концу 1926 г. общая численность военнослужащих равнялась 21 915 чел., (ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 13. Д. 1. Л. 54–56), то к началу февраля 1939 г. количество военнослужащих составляло уже 542 891 чел. [4, с. 244]. Вместе с тем на территории Дальнего Востока проходили службу жители различных регионов страны, большая часть которых были призваны из сельской местности. Так, в призыве 1929 г. в составе Особой Дальневосточной Армии (ОДВА) доля крестьян составляла – 60,7% (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 23).

Таким образом, за период второй половины 1920-х – конца 1930-х гг. происходят значительные изменения социальной структуры населения Дальнего Востока СССР (табл. 1).

В данных условиях властным структурам на местах приходилось осуществлять политико-идеологический контроль за мнениями и действиями населения. Решение этих задач среди гражданского населения возлагалось на партийные органы ДВК во главе с Далькрайкомом ВКП(б), оперативными отделами органов государственной безопасности ОГПУ-НКВД по ДВК, в воинских частях и подразделениях политическими отделами (ПО) ОКДВА. Однако анализом настроений населения, кроме органов ОГПУ-НКВД и ПО ОКДВА, по существу никто не занимался. Да и они часто ограничивались лишь их фиксацией и первичной обработкой. Таким образом, мы не можем указать точные данные о численности реагирований на вероятность войны с Японией и поражения СССР. Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы демонстрируют постоянное на протяжении 1930-х гг. наличие подобных высказываний, которые в значительной степени влияли на общий морально-психологический климат населения Дальнего Востока.

Дальневосточный регион в конкретных исторических условиях в 1930-х гг. развивался во многом под воздействием внешнеполитических событий, происходивших в сопредельных странах. Оккупация Манчжурии Японией в 1931–1932 гг. способствовала созданию широкой линии советско-японской сухопутной границы, что, в свою очередь, усиливало напряженность среди населения Дальнего Востока СССР, особенно проживающего вблизи границы. Этому в немалой степени способствовали участвовавшие провокации на границе, рост морально-психологического давления посредством агрессивной антисоветской агитационно-пропагандистской работы среди советских граждан. Так, уже весной-летом 1932 г. среди жителей сельской местности происходит увеличение числа реагирований на вероятность скорого вторжения японских войск на территорию СССР. Так, в колхозе "Парижская коммуна" Амурской области весной 1932 г. колхозник утверждал: "У меня есть один знакомый, который говорил, что скоро будет война. Колхозы все ликвидируются, и снова заживем, как жили в старое время". Другой колхозник этого же села среди односельчан в июне 1932 г. заявлял: "На днях Советскую власть свергнут, поэтому надо скорее отсюда удирать. Об этом мне сказал мой знакомый землеустроитель, который предупреждал меня молчать. Когда вспыхнет война, то он оповестит всех нас" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 607. Л. 267).

Некоторые крестьяне распространяли слухи о якобы уже начавшемся наступлении японцев, что приводило к срыву нормального хода работы колхозов. Так, в мае 1932 г. колхозник, кореец по национальности, среди колхозников Посыетского района агитировал: "Вот японцы уже заняли Китай, скоро придут сюда со своим карательным отрядом, тогда вам, коммунистам, будет конец, а я уеду в Корею". "Вот здесь проводят контракцию, сгоняют людей в колхозы, в то время когда кругом японцы все взяли. Взят уже Верхнеудинск, а тут не знаю, что думают, ведь от коллективизации будет хуже, потому что японец колхозы разгоняет, организаторов всех бьет", – говорил крестьянин деревни Куналей Советского района в группе односельчан (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 360).

Жители сельской местности, особенно приграничных районов, с начала 1930-х гг. постоянно сталкивались с прояпонской агитацией. Нередко они совпадали в антисоветской направленности с настроениями как крестьян-старожилов, живущих на Дальнем Востоке еще с дореволюционных времен, так и крестьян-кулаков или середняков, приехавших сюда из центра страны. С приходом советской власти эти люди потеряли свои хозяйства, были раскулачены и выселены из родных мест. Они ожидали интервенции как предпочтительной альтернативы насильственно проводимым в деревне социалистическим преобразованиям, связанным с коллективизацией и раскулачиванием. Так, только за первую половину 1932 г. органы ОГПУ отмечали существенный рост антисоветских и антиколхозных настроений, который в значительной степени был связан с прояпонскими взглядами. В селе Молчановке Сучанского района колхозник в ответ на невыполнение планов по посеву заявлял односельчанам: "Сеять не надо, скоро Советской власти конец, придут японцы и дадут белой муки". В селе Гродеково Гродековского района крепкий середняк Попов кричал: "Режьте, убивайте меня, сеять не буду и другим не советую, придут японцы, они вам посеют". В селе Ярославка Тамбовского района подкулачник среди населения проводил следующую агитацию: "Япония уже объявила войну, Красная Армия с ней не справится, бросайте сеять, уходите из колхозов". В селе Новая Покровка Калининского района крестьянин-единоличник при получении твердого задания к посеву говорил: "Скоро придут японцы, они вам тоже дадут задание". В селе Михайловке Михайловского района бывший кулак среди жителей села отвечал: "Коммунисты ведут народ к гибели, уже сделали то, что нечего сеять, вот придут скоро японцы, они коммунистов всех передешат, а народу жизнь наладят хорошую, а то сейчас все забрали на пункт, а народ голодом морт". В селе Константиновка Тамбовского района за невыполнения планов хлебазаготовок из колхоза был исключен крестьянин. Не согласившись с этим, он сетовал: "Меня выгнали из колхоза и сельского совета за правду, колхозники сидят

голодные, но ничего, скоро придут японцы и нас освободят от этого ига, вот скоро переворот и мы докажем свое" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 362).

Некоторые крестьяне, ожидая прихода японцев, в основном надеялись на возвращение с ними белоэмигрантов, которые вернут "старые порядки" и освободят их от колхозов. В надежде на близкое свержение Советской власти в связи с неизбежным "сегодня-завтра" вторжением Японии наблюдалась высокая степень активности части крестьянства пограничных районов Дальнего Востока. Особую активность в пограничной полосе, согласно специальным сводкам ОГПУ на 1932 г., проявляли группы церковников и сектантов различных толков и направлений. Привлекая верующих в нелегальные молитвенные дома, они убеждали их в неизбежности близкой гибели советской власти, направляли на противодействие мероприятиям советской власти. Подобные группы в количестве 20–30 чел. имелись в Тамбовском, Михайловском-на-Амуре, Спасском, Благовещенском и других районах Дальнего Востока. Так, в селе Поярково Михайловского района Амурской области имела группа тихонцев² до 30 чел., которые устраивали тайные моления регулярно по субботам, воскресеньям и в праздничные дни. Во время моления группы тихоновцев священник выступал с проповедями, заканчивавшимися словами: "Помолимся за усопшего царя и за скорейший приход японцев" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 358).

Сельские и районные партийные органы, а также милиция и ОГПУ внимательно отслеживали подобные выступления. Несмотря на аресты лиц, подозреваемых в распространении антисоветских высказываний, среди крестьян на протяжении 1930-х гг. периодически звучали призывы отказа от работы по причине скорого прихода японцев. В Ивановском-на-Амуре районе, селе Песчаноозерка, в марте 1932 г. крестьянин-единоличник говорил: "Скорее бы японцы пришли, тогда бы мы показали коммунистам. Своей рукой перебью половину деревни, которые идут за Советской властью" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 123). В июле 1934 г. в Украинской МТС колхоза "Красный моряк" трактористы говорили колхозникам: "...скоро придут японцы и Советской Власти будет конец, надо уходить из колхоза, так как в нынешнем году МТС весь урожай заберет" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 607. Л. 266–267). В селе Кананка в апреле 1936 г. во время исключения из колхоза кулак говорил: "Все равно колхозы ни сегодня, так завтра – развалятся, а если нет, то их разгонят японцы" (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 202). Колхозница колхоза "Вперед" Ивановского района в августе 1936 г. говорила: "...колхозники не хотят работать в колхозе потому, что японцы придут и ни одного колхозника не оставят живым, а единоличники все останутся живыми и будут хорошо жить" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 945. Л. 270).

Эти и другие подобные высказывания не являлись массовыми, однако они стимулировали среди жителей выработку страха за жизнь своих близких, а также сомнения в обороноспособности страны. Поддавшись данному давлению, некоторая часть граждан проявляла морально-психологическую неустойчивость, что проявлялось в реагированиях пораженческого и антисоветского характера. Вместе с тем они имели значительное негативное влияние на ход сельскохозяйственных работ: срывали ход посевной и уборочной, а также способствовали бегству работников из колхозов и МТС (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 360). Так, в июне 1936 г. ряд неустановленных лиц среди колхозников Тернейского и Буденовского районов Уссурийской области проводили агитацию следующего содержания: "Японцы уже объявили войну СССР. Скоро будет здесь переворот и придет конец Советской власти. Уходите из колхозов, пусть план посева выполняют коммунисты" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 395). В период подготовки уборки зерновых в некоторых приграничных колхозах Уссурийской области в конце 1936 г. были отмечены высказывания сельских жителей: "...колхозники не хотят работать в колхозах, потому,

² "Тихоновцы" - сторонники патриарха Тихона, выступающие за сохранение традиционных устоев церкви и критикующие Советскую власть.

что японцы придут и ни одного колхозника не оставят живым..." (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 945. Л. 270).

Помимо высказываний некоторая часть крестьян переходила к открытым враждебным действиям. В частности, управлением УНКВД по ДВК были отмечены случаи антисоветских выступлений среди советских граждан приграничной территории и их связь с японцами, особенно во время боев на озере Хасан. В докладной записке о политическом состоянии населения в Амурской области от 23 октября 1938 г., в частности, было отмечено, что "во время боев с японскими войсками³ некоторые явно враждебные колхозники стали размежевывать колхозные поля, вероятно ожидая скорого поражения Красной армии и прихода японцев. Вместе с тем были выявлены крупные кражи зерна и поджоги колхозных амбаров с хлебом. В то же время были отмечены факты явно открытой связи японцев с враждебными элементами области, где были замечены сигнальные переговоры с заграницей посредством световых ламп" (ГАХК Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1533. Л. 1, 2). В материалах уголовного дела по обвинению в распространении антисоветской прояпонской агитации указывалось, что группой лиц в июле 1938 г. распространялись слухи: "...уже без объявления идет широкомасштабная война и Советский Союз виноват в ее развязывании, т. к. помогает Китаю бойцами и оружием через Монголию". Вместе с тем данные лица занимались восхвалением силы и мощи японской армии и высказывали пораженческие настроения по отношению к Красной армии. "Японская армия сильна, победоносна и непобедима, не было еще в истории такого дела, чтобы японская армия терпела поражения" (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 306. Л. 148, 149).

Реагирования о вероятностях скорой войны с Японией получили активное развитие в начале 1930-х гг. среди военнослужащих, проходивших службу на Дальнем Востоке. Так, согласно специальным сообщениям политического отдела ОКДВА, только за период с января по апрель 1932 г. наиболее актуальным и распространенным являлись реагирования вокруг высокой опасности войны с Японией. Из общего числа отрицательных реагирований они составляли до 25% (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 299). Пик их распространения приходился на март месяц – 33% (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 278). Значительная часть данных реагирований исходила от выходцев из крестьян, которые составляли большинство постоянного и переменного армейского контингента.

Согласно отчетам политуправления ОКДВА, в начале 1930-х гг. часть красноармейцев и младшего начальствующего состава в своих высказываниях проявляли боязнь войны, неверие в техническую мощь, боеспособность Красной армии и в обороноспособность Дальнего Востока и Советского Союза в целом. Это, в свою очередь, вызывало страх и пораженческие настроения, которые с большой долей могли расцениваться как панические. "Надо скорее удирать отсюда, хотя бы в школу, а то здесь застрянешь. Война вот начнется, мне авторитетные люди говорили, что японцы уже выработали план захвата Дальнего Востока и войска их уже сосредоточены около нашей границы. Отсюда понятно, что войны не избежать. Чем потом удирать пешедропом, лучше преждевременно уехать самому", – говорил авиационный техник 29-й эскадрильи. "Японцы не дураки. Как только начнется война с СССР, Япония отрежет Дальний Восток от центра и здесь все погибнут от голода, потому что здесь ничерта нет. А отрезать дорогу Япония не в одном, так в другом месте сможет", – заявлял летчик 20-й авиационной эскадрильи (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 943. Л. 244).

Согласно документам политического управления ОКДВА, реагирования о возможной войне с Японией в начале 1930-х гг. часто увязывались с внутриэкономическими проблемами, а именно: с низким уровнем снабжения продуктами и товарами массового потребления, задержкой жалования и высокими ценами. "С тылом у нас не все благополучно", "разоренное крестьянство не станет на защиту такой

³ Имеются ввиду бои в районе оз. Хасан в Приморской области, происходившие с 29 июля по 11 августа 1938 г.

власти" и т. д. Отсюда – утверждение о том, что в случае войны с Японией, поражение СССР неминуемо. "В этой войне мы проиграем. Энтузиазма в армии нет. Крестьяне не пойдут, т. к. настроены против власти", – высказывался младший врач 6-го полка. "У нас положение очень серьезное. Если не вырвать у японцев КВЖД – значит можно ждать, что в любую минуту отрежут всю Приамурскую ЖД. Воевать на своей территории нам нельзя, вряд ли население будет помогать. Оно озлоблено коллективизацией", – высказывался командир взвода 6-го полка. "У нас армия к войне готова, но с тылом у нас не все благополучно обстоит, так как у населения Дальнего Востока настроение очень плохое, в связи с отсутствием хлеба. А отсюда – надо и делать вывод, что материальная необеспеченность грозит нам своими последствиями", – заявлял помощник начальника штаба 107-го полка 36-й дивизии, член ВКП(б) (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 306). "Я уж, как пойдём в бой, убегу в плен и лучше бы было, если бы японец взорвет Советскую власть, всего бы было много, товару, сколько хочешь и ничего бы у крестьян не отбирали, как при этой власти забирают хлеб, скотину и т. д.", – говорил красноармеец 21-го артиллерийского полка (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 303–304).

В то же время имели место случаи прямых антисоветских высказываний военнослужащих ОКДВА среди своих сослуживцев. В них звучали призывы к прямым действиям против государственной власти. Так, согласно тексту специального сообщения оперативного отдела Раздольненской стрелковой дивизии, отмечалось, что в апреле 1933 г. произошло увеличение повстанческих настроений некоторых военнослужащих 40-й стрелковой дивизии, которые проводили антисоветскую агитацию в присутствии сослуживцев. "Я Соввласть ненавижу. Если будет война, то советы защищать не буду. Если выступит Япония, я перейду на сторону японцев и поверну оружие против Соввласти". "Мне Советская власть не нравится, потому что она ничего хорошего рабочему и крестьянину не дала, только разоряет. Если будет война, защищать Соввласть не буду. Лучше идти за японца против Соввласти". "...Если будет война с Японией, воевать не будем... доклад Сталина об итогах пятилетки – пустые слова...". "За что мы будем защищать Соввласть, если она нам ничего хорошего не дала. Если будет война – убежим!" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 943. Л. 132).

Подобные настроения также находили свое отражение при подаче отдельных заявлений о намерениях отказаться от личного участия в войне, об отсутствии стимулов к защите Советской власти и т. д. и т. п. "Советская власть не удержится, если объявят нам войну и поддерживать власть будет некому. Колхозники и рабочие ничего не видят хорошего и они недовольны тем, что нет мяса и хлеба", – заявлял красноармеец 103-го полка. "Как начнется война – придется, куда-нибудь убежать, за что я буду воевать? Вот разве за эти рваные брюки. Дома мать ходит голодная и ей не во что одеться", – высказывался помощник командира взвода 26-го артиллерийского полка, член ВКП(б). "Лучше под поезд броситься, чем защищать Советскую власть. Дома с голоду умирают, а еще их защищать будешь", – заявлял беспартийный красноармеец 61-го полка, из семьи середняка (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 303–304).

Антисоветские и пораженческие реагирования, связанные с вероятностью вторжения Японии, среди военнослужащих Дальнего Востока уже к середине 1930-х гг. пошли на убыль. Это было связано как с активизацией политико-идеологической массово-разъяснительной работы среди красноармейцев, так и с "карательными" кампаниями в армии и в деревне, нацеленными на изъятие социально-чуждого элемента. В целом реагирования критического характера к середине 1930-х гг. постепенно все меньше имели открытые проявления, а переходили в разряд латентных (скрытых). Классовая борьба при активном содействии государственного механизма постепенно приводила к желаемому для власти результату.

Таким образом, можно утверждать, что реагирования о потенциальной угрозе японского вторжения на Дальний Восток среди крестьян и военнослужащих региона были связаны со многими факторами. Это прежде всего страх перед самой

войной, т. к. в памяти еще были актуальны воспоминания о Гражданской войне и иностранной интервенции, в которой Япония играла важную негативную роль на Дальнем Востоке. Вместе с тем значительную роль в их формировании играла критика государственных мероприятий в ходе социалистической модернизации, а именно её негативных сторон (перегибы в ходе коллективизации и раскулачивания, проблемы снабжения продуктами и товарами массового потребления и т. д.). Подобная реакция исходила вследствие неверия в обещания власти или из-за разочарований, полученных по результатам предшествующих мероприятий. Многие из таких людей порой не знали, не понимали и не осознавали истинного смысла мероприятий, поскольку смотрели на ситуацию только исходя из своих взглядов, которые зачастую были ограничены отсутствием объективной информации. Это дополнялось непроверенной, а порой лживой информацией, содержащейся в распространяемых слухах и сплетнях, что, в свою очередь, порождало пессимистические настроения у части населения Дальнего Востока и проявилось в немотивированном отношении к назревавшей японской агрессии.

Литература

1. Билим Н. Н. Политические настроения дальневосточников в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 32–34.
2. Болокина Л. А. Негативные настроения жителей Калининской области накануне Великой Отечественной войны // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 32–35.
3. Бушуева Т. С. Общественные настроения в Красной армии. 1920-е – 1934 г. М.: МПГУ, 2020. 444 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.
5. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2011. 231 с.
6. Иващенко В. А. Антисоветские настроения населения (по материалам оперативных данных ОГПУ ДВК) // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 30–37.
7. Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа / Ред. И. М. Третьяк. 3-е, испр. и доп. изд. М.: Воениздат, 1985. 348 с.
8. Кулаков П. П. Антисоветские настроения и их преодоление в ОКДВА в начале 1930-х гг. // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 1. С. 103–110.
9. Лейбович О. Л. "Война на Западе уже началась ...": разговоры 1939 г. в бараках, тюрьмах и очередях // Шаги/Steps 2016. Т. 2. № 1. С. 14–27.
10. Лившин А. Я. "Военная тревога" 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Выпуск № 50. С. 190–206.
11. Песков В. М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. 348 с.
12. Пикалов Ю. В. Морально-политический облик бойцов Особой Краснознаменной Дальневосточной армии накануне конфликта на китайско-восточной железной дороге в 1929 г. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 89–93.
13. Рыбаковский А. А. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 157 с.
14. Токарев С. В. Политические настроения населения советской провинции во второй половине 1930-х гг. (На материалах Центрально-Черноземного региона): дис. ... канд. ист. наук. Курск. 2004. 206 с.

References

1. Bilim N. N. The political sentiments of the Far East in the late 1920s – early 1930s // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2015. No. 7 (57): in 2 vol. V. II. P. 32–34. (in Russ.).
2. Bolokina L. A. Negative moods of residents of the Kalinin region on the eve of the Great Patriotic War // Proceedings of the Altai State University. 2009. No. 4. P. 32–35. (in Russ.).
3. Bushueva T. S. Public sentiment in the Red Army. 1920s – 1934 Moscow: MPSU Publ., 2020. (in Russ.).
4. The All-Union population census of 1939: The main results. Moscow: Nauka Publ., 1992. (in Russ.).
5. Davis S. The opinion of the people in Stalinist Russia: Terror, propaganda and dissent, 1934–1941. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin" Publ., 2011. (in Russ.).
6. Ivashchenko V. A. Anti-Soviet sentiments of the population (based on the materials of operational data of the OGPU DVK) // Russia and the Asia-Pacific Region. 2007. No. 2. P. 30–37. (in Russ.).

7. The Red Banner of the Far East: The History of the Red Banner of the Far Eastern Military District. Moscow: Voenizdat Publ., 1985. (in Russ.).
8. Kulakov P. P. Anti-Soviet sentiments and their overcoming in the OKDVA in the early 1930s. // Power and management in the East of Russia. 2014. No. 1. P. 103–110. (in Russ.).
9. Leibovich O. L. "The war in the West has already begun ...": conversations of 1939 in barracks, prisons and queues // Steps/Steps 2016. Vol. 2. No. 1. P. 14–27. (in Russ.).
10. Livshin A.Ya. "Military alarm" of 1927 and public sentiment in the Soviet Union // State management. Electronic bulletin. 2015. Issue No. 50. P. 190–206. (in Russ.).
11. Peskov V. M. The military policy of the USSR in the Far East in the 30s of the XX century. Khabarovsk: Publishing house of KHSPU Publ., 2000. (in Russ.).
12. Pikalov, Yu.V. The moral and political appearance of the fighters of the Special Red Banner Far Eastern Army on the eve of the conflict on the Chinese-Eastern railway in 1929 // Society: philosophy, history, culture. 2018. No. 1. P. 89–93. (in Russ.).
13. Rybakovsky A. A. The population of the Far East for 150 years. Moscow: Nauka Publ., 1990. (in Russ.).
14. Tokarev S. V. Political sentiments of the population of the Soviet province in the second half of the 1930s (Based on the materials of the Central Chernozem region): dis. ... candidate of Historical Sciences. Kursk. 2004. (in Russ.).

Александр Александрович ИСАЕВ, д-р ист. наук, доцент департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: isaev.aa@dvfu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4750-7215>

Aleksandr Aleksandrovich ISAEV, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: isaev.aa@dvfu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4750-7215>

Поступила в редакцию

(Received) 11.07.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 14.04.2025

Принята к публикации

(Accepted) 23.06.2025